

РУССКІЯ ДѢТИ

ВЪ ИЗОБРАЖЕНІИ

М. УСПЕНСКАГО.

Е. Звягинцевъ.

Изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“.

Ц 15 к.

МОСКВА.

Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамонтовскій пер., с. д.

1897.

891
3-45

559/4

8(c) p
3-45

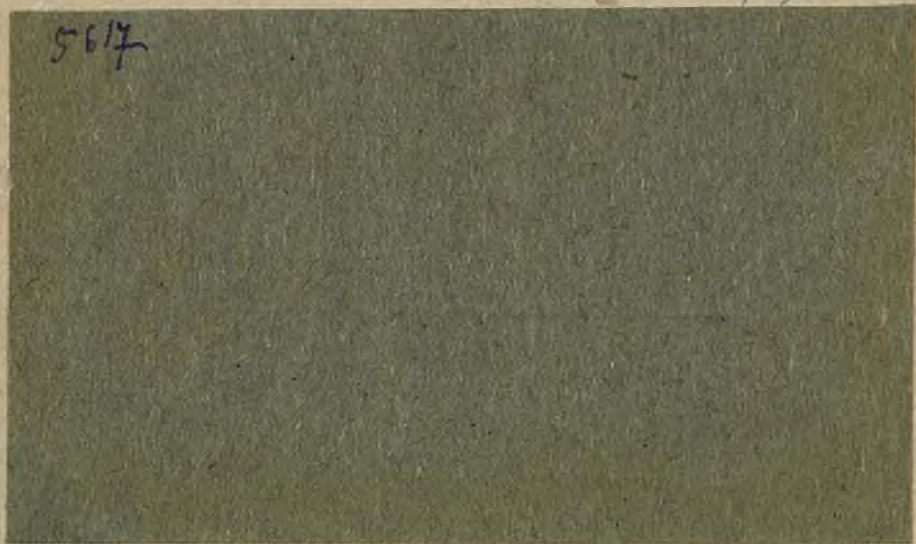
891

3-45

20

240

5617

РУССКАЯ ПЕЧАТЬ

ИЗДАНИЕ

И. П. ПЕТРОВИЧ

1870

С. ПЕТРОВИЧ

1870

11

11

11

8/0/р
345

РУССКІЯ ДѢТИ

ВЪ ИЗОБРАЖЕНІИ

Г. И. УСПЕНСКАГО.

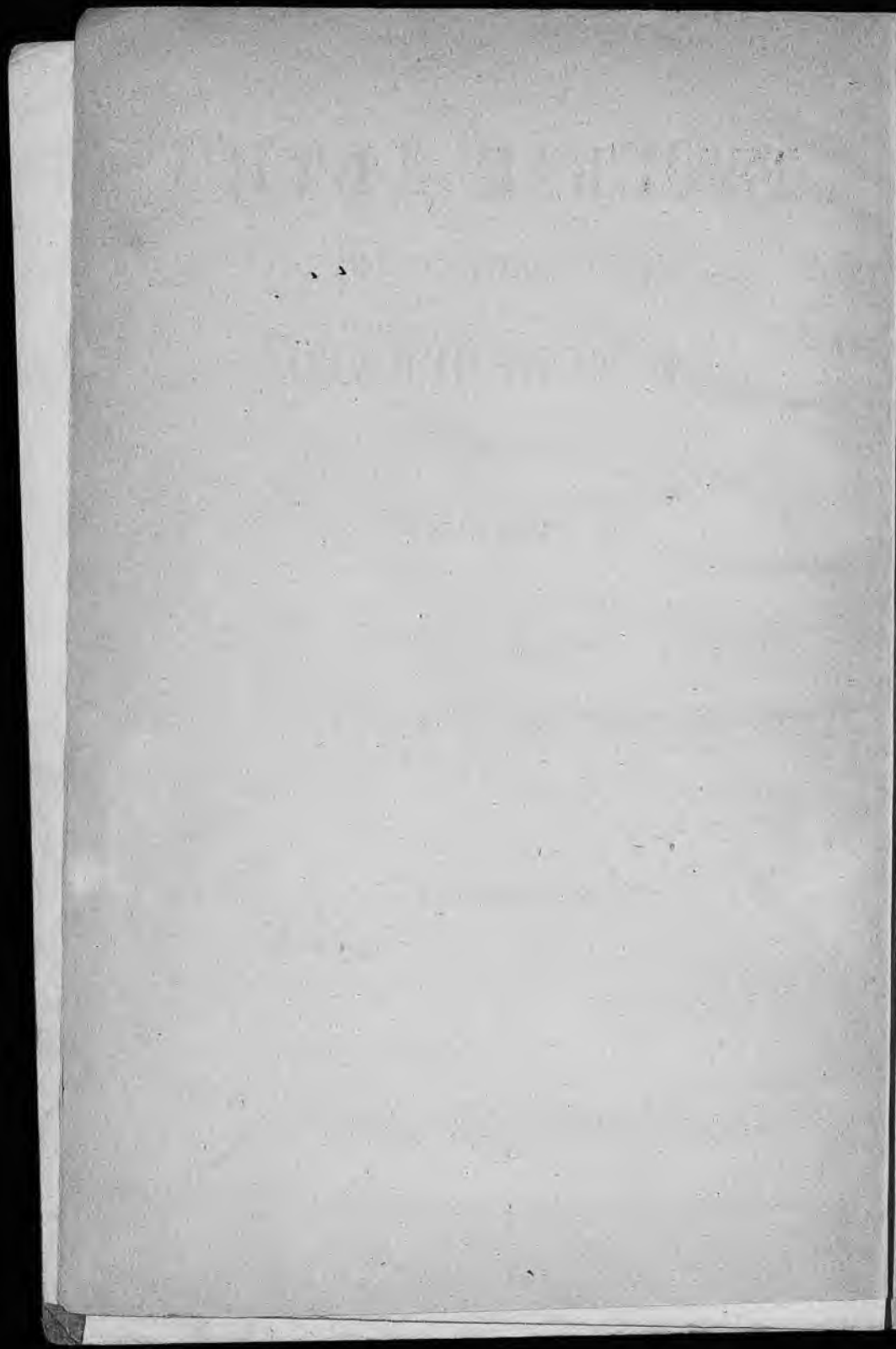
891
3.-45

Е. Звягинцевъ.

Изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“.

МОСКВА.
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.
1897.

Русскія дѣти въ изображеніи Г. И. Успенскаго.

I.

Сочиненія нашихъ выдающихся беллетристовъ представляютъ намъ цѣлый рядъ поучительныхъ наблюденій въ педагогическомъ отношеніи. Не задаваясь специально педагогическими цѣлями, писатели—художники часто рисуютъ намъ дѣтей, вскрываютъ передъ читателемъ ихъ первыя впечатлѣнія, оцѣниваютъ вліяніе послѣднихъ на дѣтскую душу и т. д. При этомъ жизнь дѣтей представляется у нихъ всегда не отдѣльно отъ жизни взрослыхъ, а на фонѣ всей окружающей среды, въ рамкахъ многочисленныхъ сложныхъ условій; эта черта особенно дорога въ нашихъ глазахъ, такъ какъ ставить и успѣшно разрѣшать вопросы воспитанія возможно лишь въ связи съ крупными общественными вопросами.

Въ настоящей статьѣ мы остановимъ вниманіе читателя на произведеніяхъ Г. И. Успенскаго, который по самому существу своего таланта глубоко интересуется судьбой дѣтей и молодежи. При всей внѣшней отрывочности его рассказовъ, очерковъ и маленькихъ повѣстей, вездѣ въ его сочиненіяхъ, на каждой изъ его трехъ тысячъ страницъ видна одна господствующая мысль: мысль о цѣльномъ человѣкѣ, идея объ уравновѣшенной личности; мысль эта у него выражается то

въ формѣ сильной тоски по простотѣ индивидуальной жизни, то въ видѣ драматическаго изображенія страдающихъ людей „безъ центра въ душѣ“, то, наконецъ, въ формѣ почти наивно-радостнаго, оптимистическаго воссозданія цѣльныхъ натуръ изъ крестьянской среды. Идея о человѣкѣ сильномъ мыслью, словомъ и дѣломъ проникаетъ каждое произведеніе Успенскаго. Но этою же мыслью одушевляется и каждый педагогъ, стремясь къ воспитанію людей съ сильной волей, съ отзывчивымъ сердцемъ, съ широкимъ умственнымъ кругозоромъ. Подобное совпаденіе интересовъ нашего писателя съ стремленіями педагоговъ сообщаетъ сочиненіямъ его особую цѣнность въ воспитательномъ отношеніи. Образцовое изображеніе и оригинальное освѣщеніе, которое даетъ фактамъ дѣйствительности талантливый бытописатель, часто распространяется и на факты дѣтской жизни, причемъ въ его произведеніяхъ имѣется богатый матеріалъ для сравненія двухъ, непохожихъ одна на другую, воспитательныхъ обстановокъ — деревенской и городской. Въ своихъ мастерскихъ деревенскихъ картинахъ Успенскій не могъ миновать крестьянскихъ дѣтей, а при частыхъ сопоставленіяхъ жизни деревенской съ городской онъ не могъ не останавливаться на характерныхъ чертахъ воспитанія дѣтей культурныхъ классовъ въ его отличіи отъ воспитанія дѣтей крестьянскихъ. Между тѣмъ, вопросъ о воспитаніи крестьянскихъ дѣтей въ высшей степени мало разработанъ по сравненію съ другими сторонами деревенской жизни; дѣло воспитанія подросткающаго поколѣнія деревни рѣдко становится предметомъ изученія, несмотря на всю важность выясненія всѣхъ условій, которые рѣшающимъ образомъ вліяютъ на „будущую Россію“. Въ специальной педагогической литературѣ довольно много говорили и даже говорятъ теперь объ „истинно-народномъ“ воспитаніи и образованіи, объ „истинно-народныхъ“ требованіяхъ отъ школы, отъ

педагога и пр.; но обыкновенно въ этихъ громкихъ словахъ не заключается какого-либо реального значенія и смысла, они остаются словами съ очень туманнымъ содержаніемъ. Злоупотребленіе терминомъ „народный духъ“, „истинно-народное просвѣщеніе“ и т. п. ведетъ только къ беспочвеннымъ взглядамъ въ области педагогики и во всякомъ случаѣ не благоприятствуетъ изученію дѣйствительной воспитательной среды, въ которой развивается русская „деревенская молодежь“, готовящаяся выступить въ жизнь. Сочиненія Успенскаго и съ этой стороны, т. е. со стороны изученія фактовъ дѣтской жизни русской деревни, получаютъ особый интересъ.

II.

Мы начнемъ свое разсмотрѣніе съ очерковъ и разсказовъ изъ городской жизни. Передъ нами прежде всего проходятъ страдальческія тѣни дѣтей „растеряевой улицы“, дѣтей въ глуши провинціального города. Очерки „Нравы растеряевой улицы“, Растеряевскіе типы“, „Раззоренье“ и др.¹⁾, рисующіе провинціальный бытъ, относятся къ сравнительно отдаленному времени 50 — 60-хъ годовъ, но, по мнѣнію автора, отличительныя черты того періода могутъ всецѣло относиться и къ позднѣйшимъ десятилѣтіямъ. Названные очерки прекрасно изображаютъ матеріальную и духовную бѣдность провинціального города того времени. Ничто истинно человеческое не лежитъ въ основѣ людскихъ отношеній среди этихъ мелкихъ чиновниковъ, дьячковъ, мѣщанъ и рабочихъ. Это—міръ, „гдѣ уѣздный людъ пилить другъ друга, пилить тихо, чуть слышно, какъ чуть слышно зудитъ пила, которою перепиливаютъ человѣческія кости. Это—душный міръ, гдѣ съ колыбели

¹⁾ Все дальнѣйшія ссылки сдѣланы по Павленковскому изд. „Соч. Г. И. Успенскаго“, Спб. 1889 г.

заглушаются общественные инстинкты человека, гдѣ семейная гармонія въ корень подтачивается чуждыми силами, а личность неизбежно расплывается роковой „встрѣчей двухъ правдъ“—новаго и стараго времени. Голодъ, слѣпой случай и приказаніе со стороны являются здѣсь творческими элементами. Каторжный, не интересный трудъ взрослыхъ—въ будни, чисто животныя удовольствія или тупое бездѣлье—въ праздники; „прижимка“ ближняго и взятка съ него—единственное средство выбиться „въ люди“; уваженіе и преклоненіе передъ силой кулака и передъ всякой грубой властью; полное незнакомство съ религіей, внѣшніе символы которой принимаются за самую сущность; полное равнодушіе ко благу родины, законы которой отождествляются съ капризами и приказаніями всякаго ближайшаго начальства; смѣлость ума сказывается лишь въ изощренныхъ обманахъ, въ наглыхъ сплетняхъ, въ дикой зависти; „искра Божія“ выражается лишь въ холопьемъ, языческомъ страхѣ передъ судьбой, въ изувѣрствѣ или рабскомъ смиреніи и равнодушіи къ себѣ. Среди такой то обстановки, подъ постоянными впечатлѣніями этой „лжи и тяготы жизни“, растутъ растеряевскія дѣти. „Подъ грудю окружающаго нравственнаго сора“ въ растеряевской средѣ воспитывается личность безвольная, сердце чуждое всему и всѣмъ, безъ способности отличить правду отъ насилія. Растеряевецъ постоянно чувствуетъ себя виноватымъ передъ цѣлымъ міромъ, полонъ боязни за себя, способенъ возненавидѣть по приказанію сильнаго свое „святая святыхъ“, вѣруеть въ него только по недосмотру начальства; онъ труситъ обнаружить всякое пробужденіе сознанія, потому что лишень какой бы то ни было увѣренности въ своихъ силахъ; угнетенный собственной уродливостью, онъ полонъ нравственнаго „безкрылія“ и живетъ со всегдашнимъ отчаяніемъ въ душѣ.

Въ маленькомъ очеркѣ подъ заглавіемъ „Книга“ (I,

106) Успенскій нарисовалъ намъ потрясающую душу читателя фигуру мальчика Алифана, болѣзненнаго сироты одного растеряевскаго ремесленника. Не въ примѣръ своимъ сверстникамъ, этотъ „задумчивый, тихій, съ блѣдноглубыми глазами“ мальчикъ за время своей долгой болѣзни, *отъ нечего дѣлать* пристрастился къ своей 5—копѣчной азбукѣ и незамѣтно *книга* въ его глазахъ приняла смыслъ. Онъ убѣждаетъ своего опекуна купить ему какую-нибудь книжку; тотъ даритъ ему „Путешествіе капитана Кука, учиненное английскими кораблями Революціей и Адвентюромъ“. Сирота забылъ сонъ и ѣду, перечитывая сотни разъ единственную книгу. Но въ своемъ увлеченіи онъ кажется смѣшнымъ всѣмъ окружающимъ, онъ становится среди „трисинъ растеряевскаго невѣжества“ предметомъ грубыхъ, неистовыхъ издѣвательствъ и ругани; „вся улица прозвала его „Кукомъ“, и ребята при каждомъ появленіи его заливались несказаннымъ хохотомъ; имъ вторили кучера, натравляя на бѣднаго доморощеннаго Кука собакъ“. Алифанъ погибаетъ жертвой самодовольнаго невѣжества, совершенно непонявшаго его интересовъ, болѣе чистыхъ и возвышенныхъ, чѣмъ вся жизнь растеряевой улицы. Последняя находила вполне естественнымъ, если дѣти скучаютъ, дерутся въ кровь, вооружаются, рано начинаютъ пьянствовать и развратничать, не проявляютъ никакихъ, кромѣ животныхъ, потребностей; но эта же улица встрѣчаетъ хохотомъ всякое человеческое чувство и стремленіе; хохотъ переходитъ въ глумленіе, жестокость и злородство, разъ подобное стремленіе приноситъ для улицы какой-либо ущербъ.

Въ очеркѣ „Идилія“ (I, 153) Г. И. Успенскій изобразилъ двухъ отцовъ, бесѣдующихъ за бутылкой водки о своихъ дѣтяхъ; одинъ искренно и смѣло гордится, что его сынъ, поступившій „на службу прямо изъ училища“, тотчасъ же искусно и успѣшно сталъ брать взятки и на воробанья такимъ образомъ деньги завелъ

лошадей, любовницу, вообще „баринѣмъ“ зажилъ. Другой изъ бесѣдовавшихъ оказался не такимъ счастливымъ отцомъ; у него сынъ, по его словамъ, „примѣрная скотина“: любить читать книжки и не соглашается со взглядами родителя, послѣдній всѣми силами борется съ подобными предосудительными привычками сына, бьетъ его и готовъ „изувѣчить“: „Ужь трепаль, трепаль его“,—повѣствуетъ онъ, въ то время какъ первый счастливый отецъ по братски угощается съ сыномъ—взяточникомъ.

Со стороны автора нужно было много любви и пониманія, чтобы съ такими подробностями изображать нравы растеряевой улицы, всматриваться въ ея обитателей, описывать ихъ душевныя состоянія и поступки, описывать, жалѣя ихъ, а не возмущаясь ими. Это пониманіе и любовь къ людямъ, взрожденнымъ „жалкимъ, тяжкимъ, будничнымъ влаченіемъ жизни“, доходитъ до высокой степени въ разсказѣ „Парамонъ-юродивый“ (I, 174). Здѣсь авторъ не жалѣетъ красокъ, чтобы во всемъ объемѣ представить ужасныя педагогическія условія того времени, въ которыхъ росли дѣти, все вліяніе „тяготы жизни“ на дѣтей, не только рожденныхъ, а „прямо зачатыхъ въ сознаніи безнадежности и тоски“. Общественныя условія создавали для развитія личности и чувства человѣческаго достоинства такую неблагоприятную атмосферу, что все „съ дѣтства переполнялось всѣми сортами трусости, приучалось боязливо мыслить, чувствовать и вовсе отвыкало отъ аппетита какъ нибудь поступать, какъ нибудь дѣйствовать“. „Или тоска, или испугъ, или злорадство—другой школы не было“. „Надо постоянно бояться—это корень жизненной правды“; онъ лежалъ въ основѣ поведенія отцовъ, въ основѣ воспитанія дѣтей съ самой колыбели:

„Какъ только начинаю себя помнить, чувство какой-то виновности, какого-то тяжелаго преступленія уже тяготѣло надо мной. Такъ дѣйствовала на меня эта унылая, мертвая атмосфера, со-

зданная людьми, искони потерявшими смыслъ и аппетитъ „жизни“, что я еще семи или восьми лѣтъ уже чувствовалъ тотъ самый камень на сердцѣ, какой чувствовали всѣ мои родственники, всѣ мои сверстники. Въ церкви я былъ виноватъ передъ всѣми этими угодниками, образами, паникадилами. Въ школѣ я былъ виноватъ передъ всѣми, начиная со сторожа — куда! съ вѣшалки, на которой вѣшалъ свою шпатель¹⁾.

Такъ припоминаетъ свое дѣтство „пропащій“, отъ лица котораго ведется рассказъ „Парамонъ-юродивый“. Въ среду этихъ-то забытыхъ, обезличенныхъ людей является герой рассказа Парамонъ. Это былъ простой крестьянинъ, отрѣшившійся отъ „всего земного“, отдавшійся на служеніе небу путемъ постовъ, молитвъ, самоистязаній и т. п.; онъ посредствомъ веригъ и всяческихъ изнуреній, вопреки земнымъ требованіямъ своей семьи и всѣхъ окружающихъ, рѣшилъ завоевать себѣ рай и увѣренно, безбоязненно „шелъ по дорогѣ въ небо“. На фонѣ „вѣчнаго ползанья“ остальныхъ лицъ незатѣйливое служеніе небу Парамона было смѣлымъ полетомъ, а онъ самъ былъ человѣкомъ съ развитымъ чувствомъ личнаго достоинства и личной отвѣтственности, съ чувствомъ, чуждымъ несчастному, холодному, боязливому растеряевскому „образу жизни“. И вотъ; отъ появленія такого „юродиваго“ оживаетъ весь домъ, и больше всего оживаютъ дѣти; въ ихъ мысли, чувствованія и понятія ворвались „посторонніе“, новые, свѣтлые, возвышающіе элементы; дѣти освобождаются отъ постоянного сознанія своей виновности и начинаютъ надѣяться на возможность своей правоты; появленіе Парамона было свѣжей каплей, оживляющей замороженную мысль, засыхавшія сердца:

„Боже мой, сколько открылось новыхъ, небывалыхъ и немислимыхъ до сихъ поръ перспективъ! Рай, адъ, правда, совѣсть, подвиги — все это цѣлымъ роємъ понятій новыхъ, небывалыхъ осаждало наши головы! Оказывалось, что есть что-то выше и лучше

¹⁾ Т. I, стр. 176.

гимназіи, инспектора; что есть какая-то правда, которая выше всѣхъ, выше всѣхъ пятерокъ и двоекъ.... *Мы* что-то должны... *Мы* что-то можемъ... Не все кто-то можетъ надъ нами и не веѣмъ мы должны. Вотъ какія необыкновенныя ощущенія пришли въ наше, почти совершенно утраченное сознание“ 1).

Но они пришли не надолго и быстро исчезли; достаточно было явиться полиціи, потребовать „безпаспортнаго“ Парамона для возвращенія по этапу на родину, чтобы прежняя забитость взяла верхъ, снова „темное, холодное, унижительное вошло что-то въ наше дѣтское сознание, а главное—въ сердце“. Дѣти вслѣдъ за взрослыми почувствовали себя виновными въ томъ, что „скрывали“ у себя безпаспортнаго человѣка; мало того, они вслѣдъ за взрослыми стали винить и негодовать на Парамона, того самаго Парамона, котораго любили и уважали, передъ которымъ преклонялись; они, перепуганныя полиціей, чтобы хоть немного оправдать себя, вслѣдъ за взрослыми начали клеветать на Парамона.

„Сами ввали себѣ, чтобы было легче жить, чтобы не сознавать своего ничтожества, нравственнаго безкрылія, чтобы не ощущать ежесекундно такъ прочно воздѣланной въ душѣ трусости, чтобы не терзаться сознаниемъ не менѣе прочно воздѣланнаго... увы! почитанія къ кулаку, къ тому, что изуродовало насъ и заставило нутомъ чтить руку „бьющаго“, паче ближняго и паче самаго себя!“ 2)

„Вотъ какія феи стояли у нашей колыбели!“ Такъ заканчивается рассказъ о Парамонѣ. Тѣхъ же мрачныхъ фей у колыбели русскаго ребенка мы видимъ и въ другихъ очеркахъ Успенскаго, напр., „Волей—неволей“; послѣдній очеркъ или „Отрывки изъ записокъ“ цѣликомъ посвящены выясненію того, „насколько знакомыя всякому русскому условія подлинной русской жизни способствовали въ дѣтяхъ и взрослыхъ развитію человѣческаго достоинства“.

1) Т. I, стр. 179 и 182.

2) Т. I, стр. 192.

Дѣйствующее лицо записокъ — сынъ священника сначала въ селѣ, потомъ въ городѣ при острожной церкви. Ранніе годы дѣтства, проведенные въ деревнѣ, припоминаются ему, какъ тяжкій, безпросвѣтный сонъ: „семейный раздоръ, глухой, свинцовый, неизбывный, проникалъ холодной безжизненностью каждую каплю воздуха; внѣ семьи—ужасы крѣпостного права: „голодь, перяшество, лѣнь, грызня—вотъ что царило надъ деревней и въ натурѣ деревенскихъ обывателей“. Послѣдующіе годы дѣтства въ городѣ были не менѣе тяжелы: подъ звукъ барабанной дробы и крикъ истязуемыхъ арестантовъ это дѣтство умерщвляло самый зародышъ сознанія своихъ человѣческихъ правъ и достоинства. Первые впечатлѣнія бытія неминуемо вели къ атрофіи сердца, подавляли и душили человѣческія стремленія, убивали энергію жизни и создавали чисто русскую черту—сознаніе своей виновности. „Надъ всѣми тяготѣло сознаніе измѣны противъ ближняго, сознаніе попранія своей совѣсти изъ какого-то страха, узости и мерзости душевной“. Этимъ русскимъ, по словамъ автора, сознаніемъ объясняется, что представленія народа объ раѣ, о наградѣ на небесахъ совсѣмъ не такъ выработаны, какъ представленія объ адѣ; послѣдній „разработанъ народной фантазіей до мельчайшихъ подробностей, здѣсь все изслѣдовано такъ подробно, точно изслѣдователи имѣли въ рукахъ программу на этотъ счетъ отъ какого-нибудь статистическаго комитета“. Это мрачное міросозерцаніе передается и дѣтямъ.

„Можно положительно сказать, что я едва только вышелъ изъ утробы матери, какъ узналъ, что въ концѣ кощовъ мнѣ предстоитъ крюкъ въ ребро и огонь, и что, кромѣ какой-то неизбывной вины и тяжкаго грѣха, нѣтъ ничего важнаго и значительнаго¹⁾).

Система, проникавшая жизнь общественную и се-

1) Т. II, стр. 492.

мейную, была положена и въ основаніе школы; „тонъ, царствовавшій въ ея нравахъ и звучащій въ ея непавистныхъ краткихъ учебникахъ“, душилъ и умерщвлялъ личность ученика такъ же, какъ и вся русская дѣйствительность. „Школа была для всѣхъ одна.... тенденція сельскаго однокласнаго училища и тенденція университета—одна и та же“; это—стремленіе подогнать каждого ребенка подъ шаблонъ, запумеровать его, хотя бы такое запумерованіе обходилось дорогой цѣной обезличенія и приниженія человѣка; школа, ни высшая, ни средняя, ни низшая, не могла воспитать въ дѣтяхъ человѣческаго сознанія своихъ личныхъ правъ и личной отвѣтственности.

Среди такихъ условій воспитывались дѣти передъ началомъ и въ началѣ великихъ реформъ 60-хъ годовъ. Реформы исходили изъ иныхъ началъ, а не изъ тѣхъ, въ какихъ воспиталось растеряевское чиновничество, духовенство и рабочіе. Все новое представлялось для мысли и настроенія растеряевца сплошной случайностью, непонятной для него. „Новыя времена“ хотѣли перестроить жизнь во имя самой строгой, свѣтлой правды; они разорили ложные устои прошлой эпохи, но они у растеряевцевъ не отыскали достаточнаго матеріала для перестройки. Жизнь рабочихъ—растеряевцевъ—продолжала ухудшаться, царство „прижимки“ не прекратилось; изъ чиновничества и духовенства выдѣлилась разночинная интеллигенція, но эта интеллигенція не могла быть здоровой, совѣстливой, такъ какъ растеряевское воспитаніе сказывалось въ каждомъ ея шагѣ. Какъ крѣпостное право и обломовское воспитаніе порождало среди дворянъ нездоровыхъ интеллигентовъ, нарисованныхъ въ русской литературѣ Тургеневымъ, Гончаровымъ, Писемскимъ и др., такъ растеряевская обстановка искалѣчила интеллигента-разночинца. Этому-то искалѣченному интеллигенту посвящено столько прекрасныхъ страницъ

у Г. И. Успенскаго. Передъ нами въ его очеркахъ проходятъ два типа „образованныхъ людей“ изъ разнородной среды. Во первыхъ, дѣлая вереница интеллигентныхъ „неплательщиковъ“ съ „язвами правды“, съ измученными лицами отъ рокового разлада ихъ мыслей и поступковъ, отъ „неизлѣчимой болѣзни русскаго сердца“ (см. очерки „Наблюденія одного лѣтня“, „Хочешь не хочешь“, „Разоренные“, „На старомъ пепелищѣ“, „Неизлѣчимый“, „Не воскресь“, „Три письма“, „Чудакъ-баринъ“ „Овца безъ стада“, „Волей-неволей“, „Спусти рукава“ и пр.). Этотъ типъ интеллигента-цитомца растеряевой улицы совершенно порвалъ съ нравами послѣдней, но въ то-же время не смогъ приспособиться и къ новымъ временамъ; онъ необходимо отрывался отъ семьи, убѣгалъ отъ общества, въ которомъ выросъ, шелъ изъ города въ деревню, изъ деревни въ столицу, жилъ въ ней безъ всякаго дѣла среди нищеты, скитался за границей, съ болью дѣлалъ дѣло, ему несимпатичное, топилъ свои мученья въ винѣ и т. п. Онъ былъ не въ состояніи дѣйствовать среди частныхъ и „подлинныхъ“ условій жизни; онъ могъ жить въ сферѣ отвлеченностей, прекраснодушно витать среди общихъ вопросовъ, хорошо понималъ цифры и выводы „послѣдней страницы“ каждой лучшей передовой книги, по „подлинныхъ стонѣхъ, жизненныхъ, человѣческихъ мелочей, изъ которыхъ выходили эти цифры „послѣдней страницы“ онъ не различалъ и не выдерживалъ: они его измучивали. Вниманіе къ общимъ вопросамъ и выводамъ, отвлеченная любовь къ человечеству не была результатомъ воспитанныхъ и развитыхъ потребностей сердца, не была слѣдствіемъ „органическаго развитія“ душевныхъ силъ....

Второй типъ разпачинца-интеллигента — еще болѣе „обездушенный“ растеряевщиной; ея антипедагогическими условіями. Школьнымъ представителемъ этого

типа у Г. И. Успенскаго можно считать Павлушу Хлѣбникова („Наблюдения одного лѣнтяя“). Совершенно обезличенный семейной жизнью и школьными порядками, онъ шель туда, куда толкало его начальство, сила или случай; въ школѣ онъ въ теченіе одного дня могъ поочередно лебезить передъ сильными товарищами, дая имъ какія-либо бездѣлушки, драть ихъ за уши по приказанію инспектора, снова по уходѣ послѣдняго дарить имъ что-либо и просить прощенья, потомъ жаловаться и врать отцу на нихъ-же и пр. Какъ въ школѣ онъ „мило и легко дѣлался ябедникомъ“, такъ въ жизни онъ мило и легко могъ стать чиновникомъ какого-угодно вѣдомства, какихъ угодно убѣжденій; въ шестидесятые годы онъ мило и легко сдѣлался либераломъ. Люди, подобные Хлѣбникову, разные „порядочные“ Купріяновы, Шапкины, Полумраковы, чиновники, земцы и прочіе „служители обиняка“ только видоизмѣнили старую растеряевскую ложь, дѣла настоящаго, по совѣсти, они не дѣлали, несмотря на то, что иногда служили въ „самоновѣйшихъ учрежденіяхъ“.

III.

Такъ было не только въ первое время послѣ реформъ, но продолжается и до настоящей поры. Условія русской жизни, по мѣрѣ удаленія отъ времени реформъ, мало благопріятствовали воспитанію лучшихъ людей, съ болѣе сильной волей, съ болѣе здоровымъ сердцемъ. „Переходное“ время, начавшееся передъ Севастопольской войной, ощущается и теперь. Страдающіе Тяпушкины и Черемухины или „служители обиняка“ вродѣ Полумраковыхъ сами стали въ роли воспитателей; конечно, ни изъ Тяпушкина, ни изъ Полумракова не могло выйти хорошаго отца и воспитателя, какъ ни изъ того, ни изъ другого не выработалось хорошихъ общественныхъ работниковъ.

„Образцово-убитый“ въ личномъ отношеніи Тяпушкинъ около колыбели своего 4-мѣсячнаго ребенка могъ думать такую черную думу: „хорошо, если бы этотъ ребенокъ умеръ“.

Такая мысль у него лишь промелькнула въ одно мгновѣніе, но мгновѣніе это все таки было; между тѣмъ Тяпушкина всѣ считали „хорошимъ“, „превосходнѣйшимъ“, даже „самоотверженнымъ“ человѣкомъ. Къ такимъ чернымъ думамъ онъ былъ приведенъ не только тѣмъ, что боялся, за участь своего ребенка, но и тѣмъ, что самъ получилъ съ дѣтства крайне уродливое воспитаніе; вѣдь только „последняя страница“ спасала Тяпушкина. „Возмутительный случай“ съ черной думой о ребенкѣ, рассказанный въ очеркахъ „Волея-неволей“ кратко, сгущенными красками отмѣчаетъ, какъ уродливо сказывается недоразвитіе наше въ дѣлѣ воспитанія. Къ такому реальному, трудному, часто кропотливому дѣлу, какъ воспитаніе своихъ дѣтей, нашъ, лучшей даже, интеллигентный разночинецъ—въ высшей степени неподготовленъ и иногда глядитъ на семью, на дѣтей, какъ на какую-то помѣху работѣ общественной; личное поведеніе противопологается разночинцемъ его общественной работѣ: *лично* намъ ничего не нужно... лично я могу переносить голодъ, насиліе, несправедливость... лично я могу поддерживать несправедливость, дать взятку... лично я могу терпѣть глупую и пустую семейную жизнь“.

Если искренніе и ищущіе дѣйствительнаго дѣла Тяпушкины оказываются болѣе, чѣмъ несостоятельными воспитателями и часто даже равнодушными къ дѣлу воспитанія, то тѣмъ худшими, конечно, педагогами являются Полумраковы и другіе представители второго типа интеллигенціи. Въ рассказѣ, вѣрнѣе, наброскѣ „Памятливый“ (т. III, стр. 734) реально, остроумно и тепло нарисована сцена изъ жизни дѣтской комнаты въ нашей чиновничьей, интеллигентной семьѣ въ

Петербургѣ. Ребенокъ, желая сдѣлать пріятное любимой нянѣ, хочет наточить ея тупыя ножницы на самодѣльной точилкѣ изъ колеса отъ стула по образцу видѣнной имъ настоящей точилки. Онъ отыскиваетъ себѣ гвоздики и колесо. Но то и другое у него отнимаютъ изъ боязни, что онъ наколется, проглотитъ и т. д. Поднимается крикъ; цѣлый штатъ прислуги, мать и отецъ производятъ насиліе надъ ребенкомъ и оставляютъ его безъ гвоздиковъ. Родители недовольны нянькой, что къ ребенку попали опасныя гвоздики и неинтересное колесо, когда въ домѣ такая масса цѣнныхъ и запятныхъ игрушекъ; отецъ недоволенъ и кричитъ на жену, жена недовольна мужемъ и проклинаетъ свою судьбу. Просвѣщенные родители забываютъ суматоху и свою неудовлетворенность, только уѣхавъ въ театръ и отвлекшись съ гостями разговорами о политикѣ. Воспитаніе у „людей новаго времени“ сводится почти къ одному лишь найму многочисленной прислуги и покупкѣ дорогихъ игрушекъ. Отецъ почти весь день поглощенъ „канцелярской суетой“; кабинетъ его слишкомъ далекъ отъ дѣтской, и только раздрающій крикъ ребенка доносится до него, напоминая ему объ отцовскихъ обязанностяхъ. Мать, въ свою очередь, считаетъ себя слишкомъ занятой, чтобы вникать въ мелочи духовной жизни маленькаго сына.

„Скучая купленными, лавочными, игрушечными впечатлѣніями, картонными и деревянными людьми и животными, чуткое впечатлительное дѣтское сердце, находящее возможнымъ наполнять жизнью даже бездушную куклу, живетъ истиннымъ человѣческимъ чувствомъ, руководствуется неспорченными, свѣжими, едва показавшими ростокъ побужденіями любви. Досугъ-ли въ условіяхъ теперешней семейной жизни слѣдить за правильнымъ развитіемъ изящнаго чувства любви?... Перлы движеній дѣтскаго сердца во имя наилучшихъ человѣческихъ побужденій невидны и незамѣтны въ общей семейной тяготѣ“¹⁾.

1) Т. III, стр. 740.

Въ результатѣ у современныхъ дѣтей получается такое же „пряничное дѣтство“, имъ дается такое-же мертвящее воспитаніе, какое мы видимъ у дореформенныхъ чиновниковъ; очеркъ „Отцы и дѣти“ (т. III, стр. I) рисуесть намъ аналогичную же педагогическую среду, въ которой росъ Павлуша Рудневъ, первенецъ одного дореформеннаго чиновника — взяточника; послѣдній также, всегда занятый на службѣ, „принужденъ былъ ограничивать изъявленія своей безграничной любви покупкою игрушекъ“. Въ той и другой семьѣ, конечно, покупались не одинаковыя игрушки, были не одинаковыя статьи расхода, но самый характеръ воспитанія былъ одинъ и тотъ-же. Интересы родителей и дѣтей были совершенно разъединены; отцы и дѣти никогда не понимали другъ друга; реальной, крѣпкой связи между ними ни въ чемъ не было. Любовь родительская при такомъ семейномъ строѣ не выливается въ свои естественныя формы, а выражается лишь въ покупкѣ дорогихъ игрушекъ, въ большихъ расходахъ, наймѣ многочисленной прислуги, случайныхъ, перовныхъ ласкахъ, пустыхъ похвалъ и т. п. Жизнь культурныхъ родителей совершенно непонятна для ихъ дѣтей; естественное желаніе послѣднихъ разобраться, уразумѣть цѣли и интересы наиболѣе близкихъ лицъ, наиболѣе любимыхъ людей не удовлетворяется, а это дурно сказывается на интеллектуальномъ и нравственномъ развитіи. Препасть, лежащая между дѣтской комнатою и рабочимъ кабинетомъ родителей, увеличивается еще тѣмъ, что самая работа родителей часто мало соотвѣтствуетъ или совсѣмъ не соотвѣтствуетъ ихъ настоящимъ убѣжденіямъ и симпатіямъ. Современный интеллигентъ разъединяетъ свое дѣло и свои идеалы: часто скрываетъ свои идеалы и лишень возможности работать во имя ихъ; свое дѣло считаетъ бесполезнымъ и не вѣритъ въ него; его „святая святыхъ“ слишкомъ сокровенна.

Поэтому дѣти здѣсь растутъ „въ какой-то невозможнѣйшей атмосферѣ либеральныхъ недомолвокъ и умолчаній по самымъ существеннѣйшимъ вопросамъ нравственности“ (т. II, 249). Современный интеллигентъ, безъ сомнѣнія, страдаетъ отъ такой раздвоенности, а вмѣстѣ съ нимъ страдаютъ и дѣти, но въ настоящихъ условіяхъ это неизбежно. Характеризуя „мученія“ интеллигента среди удушливой атмосферы „не настоящего, не заправскаго“ дѣла, Г. И. Успенскій восклицаетъ:

„Но что особенно грустно среди всего этого, такъ это—дѣти! Распоясовецъ! Мужикъ! Дай ты этимъ ребятишкамъ, этимъ подрастающимъ неплательщикамъ, дай ты имъ своихъ сказочекъ, простыхъ деревенскихъ пѣсенокъ! Повесели ты ихъ цвѣточками, и звѣрьками, и зайками!.. Пошути, побалуйся съ ними! Вѣдь они чахнуть въ этомъ воздухѣ неискренности, утайки, неправды, а главное—въ этой дорогой пустотѣ... Спаси ихъ твоею простою правдою, дай дохнуть свѣжаго, здороваго воздуха, услышать прямое слово—вѣдь они будутъ глубоко несчастны и глубоко гадки безъ тебя, безъ твоего правдиваго и горькаго опыта, безъ твоей искренней, забывающей худое, шутки“ 1).

Впрочемъ нашъ писатель далекъ отъ мысли оздоровить воспитаніе подрастающихъ неплательщиковъ путемъ какого-либо механическаго „позаимствованія“ нравственныхъ началъ у крестьянина. Въ очеркахъ „Малые ребята“ 2) имъ описанъ одинъ опытъ такого позаимствованія. Петербургскій чиновникъ Иванъ Ивановичъ Полумраковъ недоволенъ собой, своей службой, семейной обстановкой и воспитаніемъ дѣтей; онъ смутно ощущаетъ необходимость воспитать въ душѣ своихъ дѣтей прочный, нравственный фундаментъ, но въ то же время чувствуетъ, что онъ самъ, его семья не въ состояніи сообщить дѣтямъ нужныя основы. И вотъ онъ рѣшается удалить дѣтей отъ вреднаго влія-

1) „Неплательщики“, т. I, стр. 517.

2) Т. II, стр. 241.

ція „паршивой городской цивилизації“ и поселить ихъ въ деревнѣ, среди непочатыхъ деревенскихъ натуръ, среди добрыхъ, простыхъ нравовъ съ цѣлью „пожиться по части нравственныхъ богатствъ“ крестьянъ. Его семья, дѣйствительно, *поселяется* въ глухой деревушкѣ, его дѣти играютъ вмѣстѣ съ крестьянскими ребятишками, на лонѣ природы, но результатъ этого опыта получается противоположный тому, какого ожидалъ Иванъ Ивановичъ; никакого позаимствованія нравственныхъ началъ не происходитъ, и дѣти въ деревнѣ узнали многое нежелаемое; именно въ деревнѣ они узнали, что они не мужики, а господа, приучились быть нечувствительными, получили какую-то сыпь, требующую серьезнаго лѣченія, приобрѣли самое всестороннее знакомство съ чортомъ и чувство страха передъ нимъ. Полная неудача, по мнѣнію Успенскаго, произошла оттого, что у Ивана Ивановича было одно только желаніе „пожиться“ на счетъ мужика для себя, съ цѣлью поставить дѣтей въ наиболѣе безопасныя условія; о какихъ бы ни было обязанностяхъ въ отношеніи къ народу не говорилось; объ измѣненіи самого существа жизни въ духѣ основъ народной нравственности, въ интересахъ народныхъ нуждъ не было и рѣчи. Неудачи „опытовъ“ неизбѣжны, и Иваны Ивановичи принуждены вести воспитаніе дѣтей рутиннымъ способомъ, такъ что дѣти ихъ, подобно своимъ отцамъ, вырастутъ нравственно несостоятельными. Больше того, въ душевой атмосферѣ обиняковъ современной интеллигенціи не можетъ воспитаться даже такихъ свѣтлыхъ настроеній и симпатій у молодежи, которая охватила молодое поколѣніе 60-хъ годовъ при общемъ возбужденіи общественности. По мысли Успенскаго, только полнѣйшее вниманіе къ нуждамъ многомилліонной массы народа, положенное въ основаніе всей системы воспитанія и образованія, и полнѣйшее выясненіе этихъ нуждъ,

5617

РАЙОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
№ _____

только это одно может дать смысл многим десятилетиям русской жизни и пристроить къ дѣлу массу талантливыхъ русскихъ людей (II, 277). Между тѣмъ

„вглядываясь въ существующую систему воспитанія и образованія, легко видѣть, что она не только не проникнута сознаниемъ того, что образованные люди прежде всего нужны народу, а не главному обществу акціонерныхъ надуваній, но, напротивъ, какъ бы добивается, чтобы образованный человѣкъ замкнулся съ своими знаніями въ средѣ, не имѣющей ничего общаго съ народомъ. И это стремленіе замкнуться проникаетъ и чадолюбивое сердце (родителей) и педагогическую практику“ ¹⁾.

Мы ограничимся вышесказаннымъ для характеристики воспитанія въ культурныхъ классахъ нашего общества и минуемъ дѣтскіе типы Успенскаго въ разсказѣ „Три письма“ и др. очеркахъ; вездѣ нашъ авторъ подчеркиваетъ разлагающее вліяніе крѣпостничества и взяточничества въ дореформенную эпоху, и вредное вліяніе современной „труженической“, но не „трудовой“ жизни въ теперешнее „переходное“ время.

IV.

Перейдемъ ко взглядамъ Г. И. Успенскаго на дѣтство деревенской молодежи при сохранившемся чисто земледѣльческомъ бытѣ. Послѣдній, по убѣжденію нашего писателя, все объясняетъ въ жизни крестьянина. Земледѣльческій трудъ не только поглощаетъ мускульную силу крестьянина, но даетъ пищу его мысли и моральнымъ потребностямъ; сообщаетъ его душѣ центръ, безъ котораго такъ мучится русской интеллигентъ. Природа, „ржаное поле“ и трудъ на немъ покоряютъ себѣ крестьянина, даютъ содержаніе его буднямъ и радость его отдыху, заставляютъ его жить всѣми силами души и тѣла; получается полнота жизни и

¹⁾ Т. II, стр. 275.

глубокая увѣренность въ своей правотѣ, чего недостаетъ людямъ культурнаго класса. По мнѣнію Успенскаго, природа и земледѣльческій трудъ диктуютъ, между прочимъ, и условія всей обстановки деревенской семьи и тѣмъ самымъ опредѣляютъ все воспитаніе крестьянскихъ дѣтей. „Красное дѣтство“ деревенскихъ дѣтей дѣйствительно красно, въ сравненіи съ судьбой ихъ городскихъ сверстниковъ. Какъдушна и пуста жизнь подростающихъ неплательщиковъ въ ихъ дѣтской, такъ радостна жизнь деревенскихъ дѣтей „вокругъ дома“. Въ очеркѣ „Мишка“ ¹⁾ передъ нами 11-лѣтній мальчикъ, подростаящій земледѣлецъ. Всѣ его мысли, интересы и симпатіи связаны неразрывной связью съ мыслями, интересами и симпатіями его родителей и всей семьи; ему ясенъ смыслъ и результатъ каждой ихъ работы, каждаго ихъ желанія. Самый характеръ „благороднаго“ земледѣльческаго труда даетъ этому ребенку громаднй кругъ знаній, даетъ пищу его уму и наблюдательности, доставляетъ ему массу здоровыхъ наслажденій. Все это сообщаетъ его развитію въ умственномъ и нравственномъ отношеніи постепенность, послѣдовательность и цѣльность. Въ городской, интеллигентной семьѣ нѣтъ ничего похожего на эту завидную возможность понимать, содѣйствовать и сочувствовать работѣ отца и матери. Въ сочиненіяхъ „Крестьянинъ и крестьянскій трудъ“, „Власть земли“ и „Изъ разговоровъ съ пріятелями“ великое педагогическое значеніе здороваго личнаго труда Г. И. Успенскій подчеркиваетъ почти съ такою же силою, какъ нѣкогда К. Д. Ушинскій въ своей знаменитой статьѣ: „Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи“.

Но въ современной деревнѣ благотворныя вліянія земледѣльческаго труда на всю жизнь крестьянства

¹⁾ Т. II, стр. 572.

осложняются растлѣвающимъ дѣйствиємъ капитала. Последній, вторгаясь въ жизнь крестьянина, высвобождаетъ его изъ подъ „власти земли“, разрушаетъ весь прежній бытъ деревни—общественный и семейный, разрушаетъ и душевное равновѣсіе взрослыхъ и дѣтей. Противъ капитала, приносящаго съ собой устройство совѣсти, крестьянинъ ничѣмъ не располагаетъ; отъ хищника—капиталиста онъ ничѣмъ не защищенъ. Порвется связь крестьянина съ землей, — и онъ становится ничтожнымъ, скучнымъ, даже отвратительнымъ. Происходитъ это превращеніе оттого, что гармоничный складъ жизни крестьянина сложился стихійно, нисколько не зависитъ отъ него самого, какъ не зависитъ мудрое устройство какой-нибудь галки отъ нея самой. Земледѣльческій бытъ быстро разлагается, а вмѣстѣ съ разложеніемъ всего быта исчезаетъ прежняя здоровая атмосфера для воспитанія. Вмѣсто земледѣльческой „чистоты“ и „прямого слова“ деревенская дѣйствительность предлагаетъ теперь дѣтскому уму и душѣ „матеріаль далеко не кристальнаго достоинства“. Самымъ крупнымъ и замѣтнымъ явленіемъ въ современной деревнѣ представляется кулачество съ его особой кулацкой моралью.

„А такъ какъ подростяющее деревенское поколѣніе, какъ и то, которое отживаетъ, учится жить и думать такъ, какъ учить дѣйствительность, улица, и такъ какъ противъ кулацкой морали ни откуда на деревенскую улицу не проникаетъ ничего, противодѣйствующаго ей, то мы, положа руку на сердце рѣшительно не можемъ не сказать, что это поколѣніе воспитывается главнымъ образомъ только кулацкой моралью. Чистая дѣтская душа деревенскаго ребенка въ изобиліи принимаетъ впечатлѣнія, даваемыя кулацкой дѣйствительностью“¹⁾.

Нашъ писатель съ особеннымъ негодованіемъ и безгливостью останавливается на различныхъ типахъ городскихъ и деревенскихъ русскихъ „буржуевъ“ и

1) Т. II. 234. „Малые ребята“.

мірофдовъ. Проникнутые цѣликомъ духомъ наживы безъ личнаго труда, русскіе буржуи въ изображеніи Успенскаго почти нечеловѣчески грубы, наглы, эгоистичны. Опъ приходитъ въ ужасъ отъ мысли, сколько будетъ такихъ отталкивающихъ „саврасовъ и недорослей новаго сбора“, сколько будетъ такихъ дикихъ эгоистовъ, если не задержится или не измѣнится процессъ разложенія нашей деревни ¹⁾. Оно ничѣмъ не застраховано отъ этого грядущаго духа грѣховодника — капитала. Съ удивительной быстротой прежніе чистые „Мишки“ превращаются въ „Мишанекъ“, хладнокровно изъ-за рубля отравляющихъ человѣка ²⁾; съ такою же легкостью дѣти, вродѣ Гриши, воспринимаютъ „липкую грязь“, разбрасываемую современными мірофдами въ поученіе подрастающему поколѣнію деревни ³⁾. Грязи этой не противодѣйствуетъ ни жизнь, ни сельская школа; къ несостоятельности послѣдней Успенскій довольно часто возвращается. Въ статьѣ „Школа и строгость“ ⁴⁾ онъ останавливаетъ вниманіе читателя на томъ фактѣ, почему школа въ настоящее время имѣетъ такъ мало значенія въ совершенствованіи условій народной жизни, почему современное деревенское населеніе не чувствуетъ къ школѣ того расположенія, которае оно должно было бы чувствовать, почему народъ не цѣнитъ школьныхъ знаній, между тѣмъ какъ старинную школу, основанную на псалтыри, высоко цѣнитъ. На вопросъ этотъ Успенскій, преувеличивая значеніе старинной школы, отвѣчаетъ такъ: старинная школа отвѣчала настоящей нуждѣ; она исправляла „зоологическую“ правду крестья-

1) Вспомнимъ подобную-же негодующую характеристику крестьянина, отставшаго подъ вліяніемъ денегъ отъ личнаго труда, въ вышеупомянутой статьѣ К. Д. Ушинскаго.

2) Т. II, 690.

3) Т. II, 290.

4) Т. II, 642.

янской жизни; правда земледѣльческаго быта—правда дремучаго лѣса, а въ дремучемъ лѣсу происходитъ вѣчная борьба, немолчный крикъ и пискъ, постоянное поѣданіе сильнымъ слабого; смягчить такую правду дремучаго лѣса въ крестьянской жизни „высшей, божеской правдой“ и бралась „интеллигенція божіихъ угодниковъ“, старинная псалтырная и часословная школа; въ основаніи ея лежала проповѣдь нравственныхъ обязанностей человѣка къ человѣку. Теперь жизнь двинулась впередъ, народная жизнь осложнена новыми общественными отношеніями; поэтому, и высшая правда школы „должна бы прямо, смѣло и широко касаться самыхъ жгучихъ общественныхъ интересовъ“. Наши интеллигентные прародители для общаго блага ввели въ народную массу христіанство, т. е. взяли *последнее* слово и притомъ самое лучшее, до чего дожило человѣчество вѣками страданій; точно также и въ современномъ школьномъ ученіи общественные „проклятые“ вопросы о трудѣ и капиталѣ, о пролетаріатѣ должны быть подняты безбоязненно. Успенскій при этомъ заранѣе предполагаетъ извѣстныя возраженія и отвѣчаетъ на нихъ:

„На чемъ основано невозможно—жестокое гоненіе всякой малѣйшей попытки показать народу рядъ огромныхъ общественныхъ задачъ, которыя, къ тому же, рѣшать такъ или иначе будетъ этотъ-же самый народъ? Отчего „жгучіе вопросы“ должны быть недоступны этому крестьянскому юношѣ, который по выходѣ изъ школы будетъ и семьянинъ, и общественный дѣятель, гласный, судья, присяжный, или—нищій, воръ, грабитель, убійца и т. д.“¹⁾

Въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу Успенскій также отмѣчаетъ²⁾, что въ настоящее время все многомилліонное молодое поколѣніе воспитывается „въ отдаленіи отъ малѣйшаго знакомства съ обязанно-

1) Т. II. 651.

2) Т. II. 441. „Деревенская молодежь“.

стями человѣка къ ближнему“... „Нельзя говорить имѣнно о томъ, что нужно и о чемъ спрашиваютъ“; при этомъ Успенскій вспоминаетъ автора знаменитаго „Наказа“: Екатерина II болѣе ста лѣтъ тому назадъ желала не скрывать отъ народа и школьниковаго того, что во имя общаго блага считалось полезнымъ и вреднымъ.

Такимъ образомъ, жизнь и улица въ современной деревнѣ можетъ дѣйствовать растлѣвающимъ образомъ на дѣтей; школа молчитъ и игнорируетъ то, что потребуется человѣку по выходѣ изъ школы; образованный человѣкъ по своему воспитанію и подготовкѣ идетъ отъ народа, а не къ нему. Печальна судьба молодого поколѣнія деревни, по мнѣнію Успенскаго, и среди такихъ пессимистическихъ взглядовъ онъ лишь иногда съ удовольствіемъ, даже не безъ преувеличеній, отмѣчаетъ обратнаго свойства факты; такъ, напр., въ очеркѣ „Нѣсколько часовъ среди сектантовъ“¹⁾ онъ подчеркиваетъ различіе въ постановкѣ важныхъ вопросовъ совѣсти и общественныхъ отношеній среди сектантовъ отъ постановки тѣхъ же вопросовъ въ нашей книжной деревнѣ:

„Тамъ съ дѣтства, со школы къ человѣку предъявляются самыя строгія и широкія требованія относительно необходимости самаго безукоризненнаго житія, рисуются самыя справедливейшія отношенія, и сама жизнь на его глазахъ стремится по возможности все это осуществить; школа не разорвана съ жизнью; жизнь не разорвана съ администраціей и церковью. Церковь, моленный домъ — это одновременно и судъ по всевозможнымъ дѣламъ, и проповѣди здѣсь перерываются для разговора о житейскихъ уличныхъ дѣлахъ, а уличныя дѣла вторгаются въ проповѣди. Изъ такой школы можетъ выйти много хорошаго. Кулаки — міроѣды выходятъ не изъ этихъ школъ, а вопреки имъ“²⁾.

1) Т. II. 879.

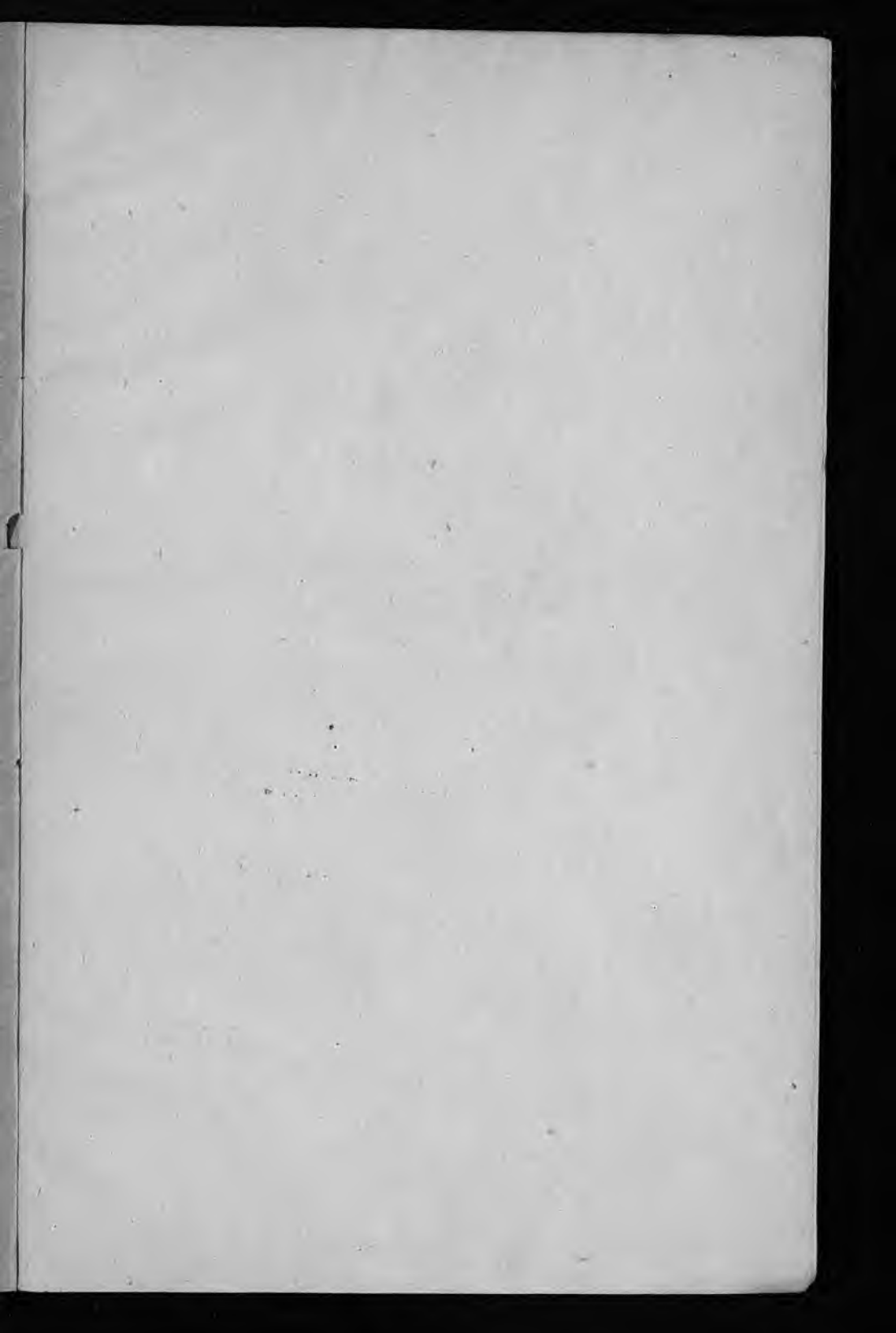
2) Т. II. 896.

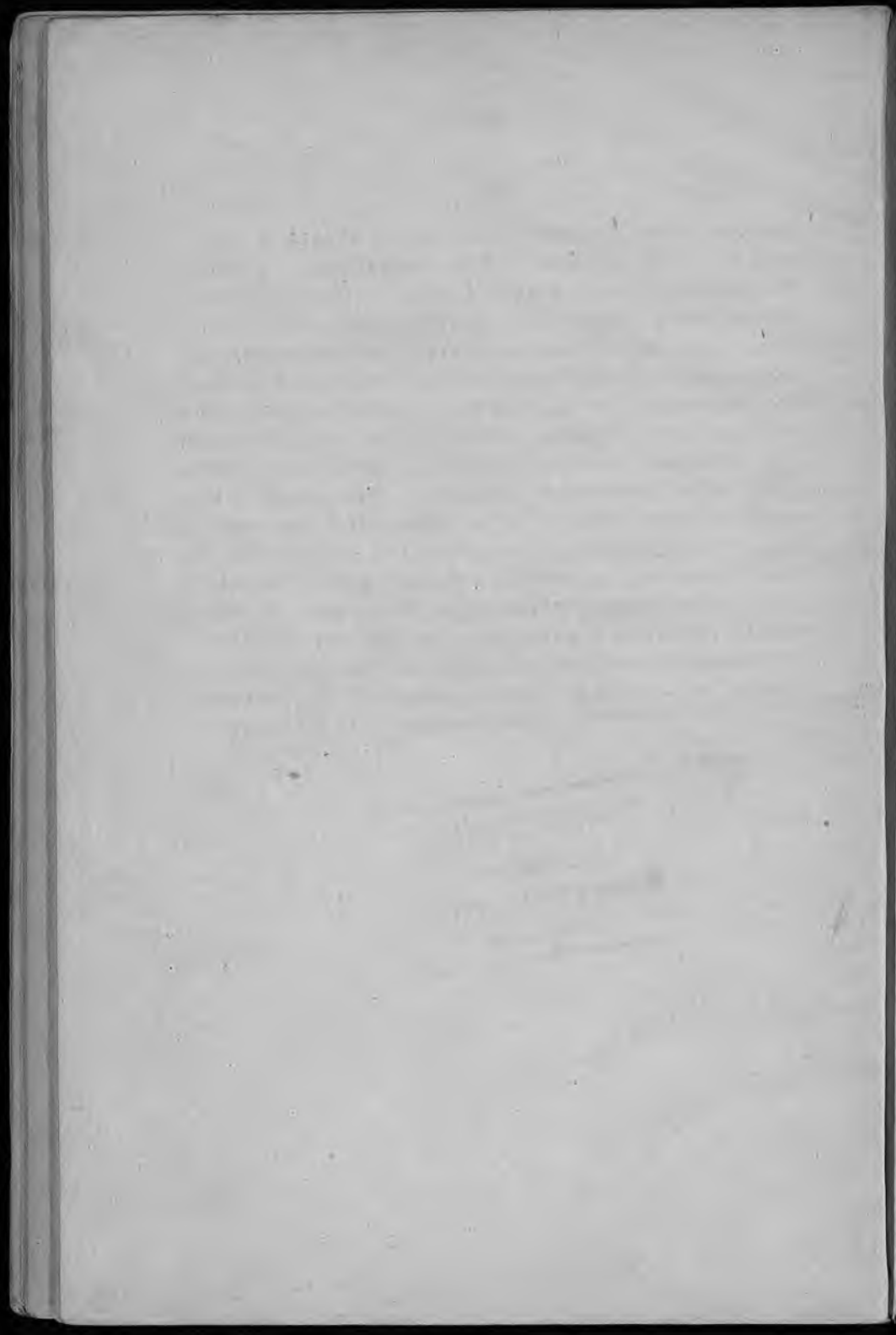
V.

Мы могли бы значительно увеличить число указаний, ссылокъ и выдержекъ изъ сочиненій Г. И. Успенскаго для характеристики современнаго воспитанія дѣтей; но уже приведенныхъ достаточно, чтобы видѣть, насколько ясно и широко понимаетъ онъ дѣло воспитанія, и насколько полезно считается съ такимъ взглядомъ при рѣшеніи педагогическихъ вопросовъ. Въ произведеніяхъ разбираемаго писателя мы находимъ своего рода исторію неудачъ русской школы и русскаго воспитанія; находимъ талантливо написанную картину русскихъ правовъ и условій, при которыхъ эти неудачи были неизбежны; находимъ остроумныя сближенія и сопоставленія деревенской воспитательной среды съ городской; находимъ и указанія чисто практическаго свойства на недостатки воспитанія. Можно и не соглашаться въ подробностяхъ со взглядами Успенскаго, но безпристрастный педагогъ не можетъ игнорировать и не цѣнить ихъ.

Е. Звягинцевъ.

cc. d.

